

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-467-482

EDN: YXJUKG

Научная статья / Research article

Европейская критика политики Китая в сфере прав человека: политические и идеологические аспекты

Н.В. Литвак¹, Н.Б. Помозова²

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

npomozova@mail.ru

Аннотация. Тема прав человека на протяжении нескольких десятилетий представляет собой инструмент давления Запада на Китай, а также служит оправданием внешнеполитических решений (например, введения санкций). Китай в рамках своей дискурсивной политики в последнее время перешел от оборонительной позиции к наступательной, в том числе и по вопросу прав человека. Данная тенденция проанализирована в исследовании на примере трех тем, доминировавших в западном дискурсе в последние годы: Гонконг, Синьцзян-Уйгурский автономный район и методы борьбы с COVID-19. Дискурс Китая не только отстаивает право на собственную модель развития, но и активно указывает на недостатки западных систем. Анализ положений второй главы Конституции КНР, Хартии Европейского союза по правам человека, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод позволил авторам выявить ряд принципиальных отличий в понимании прав человека в Китае и Европе. Несмотря на то что европейские политики позиционируют себя в качестве главных проводников демократических прав и свобод в мире, социологические опросы показывают низкий уровень удовлетворенности респондентов в Великобритании, Германии, Франции и Италии своим экономическим положением, а также тем, как соблюдаются принципы демократии в их странах. Кроме того, установлено, что во многом позиция Европы представляется не принципиальной, а конъюнктурной, поскольку по рассматриваемым темам позиции Китая не изменились, но теперь европейская критика сфокусировалась на «тайваньском вопросе».

Ключевые слова: социологический дискурс-анализ, Китайская Народная Республика, КНР, Европа, дискурсивная политика КНР

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Литвак Н. В., Помозова Н. Б. Европейская критика политики Китая в сфере прав человека: политические и идеологические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 467–482. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-467-482>

© Литвак Н.В., Помозова Н.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

European Criticism of China's Human Rights' Policy: Political and Ideological Aspects

Nikolay V. Litvak¹ , Natalia B. Pomozova²

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²HSE University, Moscow, Russian Federation

 npomozova@mail.ru

Abstract. For several decades, the issue of human rights has been an instrument of Western pressure on China, and also serves as a pretext for foreign policy decisions (such as the imposition of sanctions). As part of its discursive policy, China has recently shifted from a defensive to an offensive position, including on the issue of human rights. This dynamic is considered in this study using the example of three issues that have been most actively discussed in Western discourse in recent years — Hong Kong, the Xinjiang Uygur Autonomous Region and methods of combating COVID-19. The relevant discourse of China not only defended the right to its own development model, but also highlighted the shortcomings of Western systems. This discursive practice corresponds to the fundamental differences in the understanding of human rights in China and Europe, which are shown in the analysis of the provisions of the second chapter of the People's Republic of China (PRC) Constitution, the Charter of the European Union on Human Rights, and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Despite the fact that European politicians see themselves as the main proponents of democratic rights and freedoms in the world, sociological surveys show a low level of satisfaction of respondents in the United Kingdom (UK), Germany, France and Italy with how the principles of democracy are respected in their own countries, against the backdrop of deep dissatisfaction with their economic situation. Moreover, in many ways, Europe's position does not seem to be principled, but opportunistic, since China's position on the topics mentioned above has not changed, but now European criticism has practically switched to the "Taiwan issue."

Key words: sociological discourse analysis, the People's Republic of China, PRC, Europe, PRC discursive politics

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Litvak, N. V., & Pomozova, N. B. (2024). European criticism of China's human rights' policy: Political and ideological aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 467–482. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-467-482>

Введение

Китайская Народная Республика (КНР) как одна из двух крупнейших экономик мира, одна из двух самых населенных стран и лидер по динамике всестороннего развития, все активнее участвует в международных процессах. Несмотря на комплексный характер этой активности (экономический, социальный, технологический, культурный), ведущие европейские страны традиционно рассматривают ее, прежде всего, в контексте прав человека. В этой связи в статье рассмотрены три аспекта.

Во-первых, при всей важности проблематики прав человека помимо внутренней политики отдельных стран, а также региональной

политики, в данном случае политики Европейского союза (ЕС), существуют общемировые процессы, требующие соответствующего отношения. Глобальные черты экономики проявляются, в частности, в том, что такие политические меры, как критика, санкции и прочие рестрикции, без увязки с реальным положением дел могут нанести и наносят ощутимый ущерб и тем, кто их применяет.

Во-вторых, все более заметным становится расхождение «принципиальных» позиций Запада в отношении различных стран, использование уже не только двойных, но и тройных, и индивидуальных стандартов. Например, при очевидных различиях в положении женщин и сексуальных меньшинств в мусульманских странах и Китае, даже при

явном, признаваемом и на Западе прогрессе в Китае с правами человека в целом, Пекину в этом вопросе, тем не менее, не делается «скидка» на «особенности культуры». Энергоресурсы, на которых строятся экономика и общество Европы, спокойно импортируются из мусульманских государств (ими же, к слову, стремятся заместить и российские ресурсы), а Китай, главная «мастерская мира», всячески провоцируется (как минимум дискурсивно) по проблеме прав человека.

В-третьих, универсальным объявлен концепт прав человека в его западной интерпретации, которая не только все больше ставится под сомнение, но и уже имеет альтернативу, в частности китайскую. И эта альтернативная версия разработана на политико-философских основаниях, предложенных на том же самом Западе, — права человека как институт в интересах человека.

Наиболее острая критика политики КНР по проблеме прав человека странами «коллективного Запада» осуществляется по трем основным направлениям: нарушение демократических прав и свобод жителей Гонконга и мусульманского Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), а также всех, находящихся на китайской территории граждан, как КНР, так и других стран, в ходе борьбы с эпидемией COVID-19. Примечательно, что долгое время популярный в западном дискурсе тибетский вопрос в настоящее время фактически не упоминается.

Несмотря на то, что в Европе отмечают значительный прогресс в области прав человека в КНР¹, данная тематика не перестает использоваться в качестве обоснования внешнеполитического поведения, в том числе санкционной политики, ставшей неотъемлемой частью международных отношений. В условиях эскалации борьбы США и Китая за лидерство упомянутая тема часто используется Вашингтоном для влияния на интенсивность сотрудничества ЕС с КНР, в котором

¹ Rühlig T. How China Approaches International Law: Implications for Europe // European Institute for Asian Studies. May 2018. URL: https://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/03/EU_Asia_at_a_Glance_Ruhlig_2018_China_International_Law.pdf (accessed: 14.05.2024). См. также: (Handbook on Human Rights in China, 2019).

Пекин и Брюссель крайне заинтересованы. Дискурсивная политика Китая, в том числе в области прав человека, некоторое время назад перешла из оборонительной в наступательную. Теперь Китай не только настаивает на собственной модели развития, в том числе в этой сфере, но и открыто заявляет о преимуществах китайского понимания прав человека по сравнению с западным.

Методология исследования

Объектом исследования выступают европейский и китайский дискурсы по чувствительной теме прав и свобод человека на примере высказываний официальных лиц ключевых европейских стран — Великобритании, Германии, Франции и Италии в отношении Китая. Предмет исследования — права человека, закрепленные в Конституции КНР, с одной стороны, и в Хартии Европейского союза по правам человека, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод — с другой. Последний документ был включен в анализ ввиду того, что к нему присоединились все вышеупомянутые страны, в том числе Великобритания, которая с 2020 г. не является членом ЕС. Осуществлен сравнительный контент-анализ упомянутых документов, и на его основании проведен их аксиологический анализ с целью выявления отличий китайского восприятия основных прав человека от европейского. Это, по мнению авторов, может служить ключом к пониманию различий и подходов, лежащих в основе дискурсивного противостояния по линии Китай — Запад. Для подтверждения выводов о проблемах, с которыми сталкивается сфера прав человека, будучи одним из главных дискурсивных факторов, консолидирующих страны Запада, были привлечены данные социологических опросов.

Анализ дискурса Великобритании, Германии, Франции, Италии и Китая в контексте прав человека

Гонконг

Тема пренебрежения правами человека в Гонконге стала набирать популярность в западном дискурсе на фоне масштабных

протестов — так называемой «революции зонтиков» 2014 г. (протестующие требовали отменить процедуру одобрения Пекином участников выборов исполнительной власти Гонконга, назначенных на 2017 г.), протестных движений 2019 г. (демонстранты выступали против принятия законопроекта об экстрадиции) и их рецидива в мае 2020 г. на фоне попыток принять закон о защите национальной безопасности в Гонконге². В западном дискурсе Китай активно обвиняется в том, что этот закон нарушает основные свободы его жителей, использует расплывчатые формулировки, которые позволяют подвергать людей политическим репрессиям, затрудняет иностранным компаниям ведение бизнеса и выполнение ими обязательств по соблюдению прав человека, а также ставит под вопрос реализацию принципа «Одна страна — две системы», лишая Гонконг высокой степени автономии.

Риторике официальных лиц Великобритании в отношении ситуации в Гонконге в целом можно охарактеризовать как выдержанную в традиционном дипломатическом стиле. Так, в 2014 г. премьер-министр Д. Кэмерон заявил, что «Британия должна защищать права людей в бывшей британской колонии»³. Когда британские парламентарии не были допущены в Гонконг во время протестов 2014 г., он назвал это решение китайской стороны «ошибочным и контрпродуктивным»⁴.

В 2018 г. следующий премьер-министр Т. Мэй и министр иностранных дел и по делам Содружества Дж. Хант «выражали обеспокоенность» в связи с массовыми протестами, вызванными законом об экстрадиции,

а последний британский губернатор Гонконга К. Паттен назвал попытки принять закон «ужасным ударом... по верховенству закона, стабильности и безопасности Гонконга, позициям Гонконга как крупного международного экономического центра»⁵.

Британский премьер-министр в 2019–2022 гг. Б. Джонсон, придерживаясь сдержанной риторики, выступил с инициативой, предлагающей вернуться в Великобританию не только обладателям английских паспортов, но и любому жителю Гонконга, которые могут оставаться в стране до 5 лет с перспективой получить британское гражданство. Посол КНР в Лондоне Лю Сяомин жестко отреагировал на эту инициативу, оценив ее как попытку вмешательства во внутренние дела Китая и пригрозив «серьезными последствиями»⁶ для китайско-британских отношений.

Более жесткую по сравнению с Б. Джонсоном риторику в отношении Китая использовал глава внешнеполитического ведомства Великобритании в 2019–2021 гг. Д. Рааб: «Китай ввел мир в заблуждение»; «Китай плюет на права человека»; «[Закон об экстрадиции] создает плохую репутацию Компартии на международной арене» и т. п.⁷

Итальянские политики придерживаются различных позиций в отношении Китая, и в частности ситуации в Гонконге. Это продемонстрировала их реакция на провокационную инициативу парламентария от партии «Братья Италии» А. Урсо, который в ноябре 2019 г. пригласил принять участие в пресс-конференции в дистанционном формате одного из основных лидеров гонконгского

² Maizland L., Fong C. Hong Kong's Freedoms: What China Promised and How It's Cracking Down // Council on Foreign Relations. March 19, 2024. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/hong-kong-freedoms-democracy-protests-china-crackdown> (accessed: 14.05.2024).

³ British Values: Article by David Cameron // UK Government. June 15, 2014. URL: <https://www.gov.uk/government/news/british-values-article-by-david-cameron> (accessed: 14.05.2024).

⁴ British MPs Banned from Hong Kong Visit // Financial Times. November 30, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/08919562-78ba-11e4-b518-00144feabdc0> (accessed: 14.05.2024).

⁵ China's Extradition Law Should Respect Hong Kong Deal, Says May // The Guardian. June 12, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/12/chinas-extradition-law-should-respect-hong-kong-handover-deal-may> (accessed: 14.05.2024).

⁶ China Warns UK of 'Consequences' over Hong Kong 'Interference' // BBC. July 21, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-53481397> (accessed: 14.05.2024).

⁷ China 'Misled World on Hong Kong Security Law, Says Dominic Raab // The Guardian. January 6, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/06/british-politicians-urge-eu-to-drop-china-deal-after-hong-kong-arrests> (accessed: 14.05.2024).

протестного движения Джошуа Вонга. На это последовала незамедлительная реакция посольства КНР в Италии, которое в заявлении, опубликованном на официальной странице посольства, охарактеризовало поведение «политиков, организовавших видеоконференцию», как «безответственное»⁸.

М. Сальвини, председатель партии «Лига», прокомментировал сложившуюся ситуацию в резком тоне, отметив, что «невозможно, чтобы Китай говорил, что нам делать, а что — нет». Парламентарий от Демократической партии А. Романо охарактеризовал реакцию посольства КНР как «беспрецедентное вмешательство», а председатель партии «Братья Италии» Дж. Мелони оказалась «потрясена высокомерием и смелостью», которые позволяет себе посольство КНР в отношении Италии. Наиболее мягкой оказалась позиция министра иностранных дел Италии, одного из лидеров «Движения пяти звезд» Л. Ди Майо. Комментируя ситуацию, он подчеркнул: «Мы всегда выступаем за отличные отношения с Пекином, но в парламенте Италии каждый день происходят какие-то мероприятия, и было бы правильным их уважать»⁹.

Сдержанной риторикой относительно ситуации в Гонконге придерживались и канцлер Германии А. Меркель («Я надеюсь, что демонстранты смогут вести диалог [с властями материкового Китая] в соответствии с демократическими свободами»; «Права и свободы должны соблюдаться в соответствии с законом»¹⁰), и министр иностранных дел Х. Маас

(«Мы поддерживаем права жителей Гонконга в рамках политики „Одна страна — две системы“»; «Мы всегда выступали за то, чтобы люди в Гонконге могли выражать свое мнение»¹¹). Такая позиция вызвала недовольство и критику некоторых политиков в Германии: например, председатель комитета Бундестага по правам человека и гуманитарной помощи Г. Йенсен охарактеризовал отношение А. Меркель и Х. Мааса к гонконгским событиям как «беспринципное и обескураживающее»¹².

Китай парировал все обвинения утверждением о том, что «действия правоохранительных органов в Гонконге были направлены на обеспечение безопасности и поддержание порядка в соответствии с законом», и использовал наступательную риторику, указывая, что «такие страны, как США, Великобритания, Канада и Австралия, создали строгие правовые рамки для обеспечения национальной безопасности, не проявляя милосердия в борьбе с правонарушениями, угрожающими национальной безопасности»¹³.

Казалось, что из-за протестов и давления Запада власти Китая пошли на попятную, отозвав проект закона об экстрадиции 2019 г. Однако уже в следующем, 2020 г., был принят закон о защите национальной безопасности. Исследователи М. Лемос и М. Коста назвали ситуацию ироничной — непринятый законопроект об экстрадиции, в отличие от принятого закона, в значительной степени соответствовал политике в отношении Гонконга, согласованной в 1984 г. Великобританией и КНР, в том числе в вопросах,

⁸ Italian MPs 'Irresponsible' with Wong — China Embassy // ANSA English. November 29, 2019. URL: https://www.ansa.it/english/news/2019/11/29/italian-mps-irresponsible-with-wong-china-embassy_2d3dfd28-b973-4ce0-9981-c6730e8eaa88.html (accessed: 14.05.2024).

⁹ Cina attacca i politici italiani su Hong Kong. Di Maio: “Sempre ottimi rapporti con Pechino” // Fanpage.it. 29.11.2019. URL: <https://www.fanpage.it/politica/lambasciata-cinese-attacca-i-politici-italiani-per-la-conferenza-su-hong-kong/> (accessed: 14.05.2024).

¹⁰ Angela Merkel Calls for Peaceful Resolution in Hong Kong // Deutsche Welle. June 9, 2019. URL: <https://www.dw.com/en/angela-merkel-calls-for-peaceful-resolution-in-hong-kong/a-50321822> (accessed: 14.05.2024).

¹¹ „Einflussnahme bekannt“: China geht in Deutschland gegen Hongkong-Aktivisten vor // Merkur.de. 13.09.2019. URL: <https://www.merkur.de/politik/hongkong-protteste-maas-verteidigt-treffen-mit-aktivist-joshua-wong-china-erbost-zr-12978086.html> (accessed: 14.05.2024).

¹² Sorge in der EU um Situation in Hongkong // Deutsche Welle. 30.08.2019. URL: <https://www.dw.com/de/sorge-in-der-eu-um-situation-in-hongkong/a-50230293> (accessed: 14.05.2024).

¹³ What's False and What's True on China-Related Human Rights Matters // The Embassy of the People's Republic of China in Italy. July 8, 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201025030525/http://it.china-embassy.org/ita/xwtdt/t1804894.htm> (accessed: 14.05.2024).

касающихся защиты прав человека (Lemos & Costa, 2022). Однако даже в этой ситуации некоторые исследователи приходят к выводу, что защита основных прав и свобод в Гонконге продолжает действовать (Сохон, 2022). Более того, прозападные активисты в Гонконге сознательно поддерживают популистские настроения, особенно среди молодежи, в частности выпуская соответствующие учебники. Исследование семи таких учебников показало, что значительная часть их содержания выставляет материковый Китай в негативном свете на фоне позитивного образа Гонконга (Li, Wu & Xiao, 2023).

Синьцзян-Уйгурский автономный район

По «уйгурскому вопросу» основные обвинения со стороны Запада в адрес Китая сводятся к жестокому обращению с уйгурами в так называемых «политических лагерях перевоспитания», использованию борьбы с терроризмом в Синьцзяне в качестве предлога для репрессивной деятельности в отношении этнических меньшинств, практике принудительного труда, насильственным абортam и стерилизации уйгурских женщин, а также использованию китайским правительством отказа в продлении паспорта как способа принудить уйгуров, проживающих за границей, вернуться в Синьцзян.

В британском официальном дискурсе наиболее острой риторики придерживался глава британского внешнеполитического ведомства Д. Рааб: «Произвольное задержание, политическое перевоспитание, принудительный труд, пытки, стерилизация... Все это по-настоящему ужасно... Мы надеялись, что варварство осталось в прошлом»¹⁴; «...самопроизвольное задержание более миллиона уйгуров и представителей других меньшинств»¹⁵. Аналогичная риторика харак-

терна и для некоторых других британских политиков. Так, Дж. Хант, парламентарий И. Хан, Н. Гани, Л. Моран и др. неоднократно высказывались о нарушениях прав человека в СУАР: «Британия не должна воспринимать происходящее в Китае иначе как геноцид»; «Поправка о геноциде дает возможность переосмыслить внешнюю политику [Великобритании]»¹⁶.

Несмотря на давление в парламенте, Б. Джонсон, как и его предшественница на посту премьер-министра Т. Мэй¹⁷, относился к китайскому направлению внешней политики достаточно прагматично, что отражается в том числе в его осторожной риторике: «В некоторых вещах мы должны проявлять жесткость, но мы также должны и взаимодействовать»¹⁸; «Китай — это важнейший фактор геополитики, он будет важнейшим фактором в нашей жизни и в жизни наших детей и внуков»¹⁹; «Я не хочу, чтобы наша страна или правительство превращались в недумаящих синофобов»²⁰.

finer-for-chinese-trade-linked-to-labor-camps/ (accessed on: 14.05.2024).

¹⁶ См.: Topical Questions. Volume 648: Debated on Tuesday 30 October 2018 // UK Parliament. October 30, 2018. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2018-10-30/debates/4EFBC063-CEDD-4FFD-B48B-A22871B5B072/TopicalQuestions?highlight=%22concur%20that%20those%20reports%20are%20broadly%20accurate%22#contribution-334FCC5E-CC27-459D-A0C7-0DCAA4DEFB2D> (accessed: 14.05.2024); Human Rights: Xinjiang. Volume 692: Debated on Thursday 22 April 2021 // UK Parliament. April 22, 2021. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2021-04-22/debates/6FA4F300-D244-443E-A48C-57378876DE54/HumanRightsXinjiang> (accessed: 14.05.2024).

¹⁷ Ma A. Chinese State Media Praises ‘Pragmatic’ Theresa May for not Mentioning Their Atrocious Human Rights While Visiting Them // Business Insider. February 2, 2018. URL: <https://www.businessinsider.com/china-global-times-praises-theresa-may-for-not-mentioning-human-rights-on-trip-2018-2> (accessed: 14.05.2024).

¹⁸ McGuinness A. Boris Johnson Says He Won’t Be ‘Pushed into Becoming a Knee-Jerk Sinophobe’ amid Deterioration in China Ties // Sky News. July 20, 2020. URL: <https://news.sky.com/story/boris-johnson-says-he-wont-be-pushed-into-becoming-a-knee-jerk-sinophobe-amid-deterioration-in-china-ties-12032515> (accessed: 14.05.2024).

¹⁹ Ibid.

²⁰ UK PM Boris Johnson Warns Against ‘Unthinking Sinophobia’ amid Tensions with China // WION. January

¹⁴ China’s Treatment of Uighurs Amounts to Torture, Says Dominic Raab // The Guardian. January 12, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/12/chinas-treatment-of-uighurs-amounts-to-torture-dominic-raab> (accessed: 14.05.2024).

¹⁵ Isaac A. UK Firms Face Fines for Chinese Trade Linked to Forced Labor Camps // Politico. January 12, 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/uk-firms-face->

В мае 2022 г. министр иностранных дел, по делам Содружества и развития, кандидат на пост премьер-министра Великобритании Л. Трасс выступила с рядом заявлений, осуждающих нарушения прав человека в СУАР. В частности, она упомянула «гонения в Китае на уйгурских мусульман и другие этнические меньшинства, включая принудительный труд, строгие ограничения свободы вероисповедания, разлучение родителей и их детей, принудительный контроль над рождаемостью и массовые тюремные заключения»²¹.

В Италии ситуация в Синьцзяне фактически выпала из официального дискурса несмотря на то, что глава Ватикана — папа Франциск — обратил на нее внимание²². Министр иностранных дел Л. Ди Майо, известный своими симпатиями к Пекину и проекту «Пояс и путь», комментируя «уйгурский вопрос», обходился общими фразами о приверженности невмешательству во внутренние дела суверенных государств и защите прав человека («Наша цель — защита прав человека и этнических меньшинств»²³). Пролоббированная правой партией «Лига» М. Сальвини законодательная инициатива, в рамках которой предлагалось назвать политику Пекина в отношении уйгуров «геноцидом», не была поддержана администрацией премьер-министра Италии М. Драги, занявшей достаточно сдержанную позицию по этому вопросу²⁴.

14, 2021. URL: www.wionews.com/world/uk-pm-boris-johnson-warns-against-unthinking-sinophobia-amid-tensions-with-china-356542 (accessed: 14.05.2024).

²¹ China's Human Rights Violations in Xinjiang: Foreign Secretary's Statement // UK Government. May 24, 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-statement-on-xinjiang-24-may-2022> (accessed: 14.05.2024).

²² China Says Pope's Remarks About "Persecuted" Uighurs Are Groundless // Reuters. November 24, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/world/china-says-popes-remarks-about-persecuted-uighurs-are-groundless-idUSKBN28417Q/> (accessed: 14.05.2024).

²³ Intervista del Ministro Di Maio a Il Foglio // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 13.07.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20200713093328/https://www.esteri.it/mae/it/sala stampa/interviste/2020/07/intervista-del-ministro-di-maio-a-il-foglio.html> (accessed: 14.05.2024).

²⁴ Leali G. Italy Debate on Charges of China 'Genocide' Puts Pressure on Draghi Coalition // Politico.

Выступая в Бундестаге, А. Меркель отметила, что «Германия и вся Европа оказались в центре соперничества между Китаем и США», охарактеризовав социальное устройство Китая как обладающее государственным, а иногда и репрессивным характером²⁵. Высказываясь об «уйгурском вопросе», она подчеркнула, что его нужно «критиковать», однако и сам канцлер подвергается критике немецкими коллегами за излишнюю мягкость в отношении ситуации в Синьцзяне. Так, председатель комитета по правам человека и гуманитарной помощи немецкого парламента Г. Йенсен призывает А. Меркель «включить Синьцзян в повестку заседания Совета Европы, чтобы обсудить перспективы введения общеевропейских санкций»²⁶.

Несмотря на публикацию *Human Rights Watch* «Китайский вызов Олафу Шольцу», в которой отмечается «худший период репрессий со стороны китайского правительства со времени жестокого подавления демократического движения на площади Тяньаньмэнь» и содержится призыв «правительства Германии совместно с союзниками в Евросоюзе ввести санкции в отношении официальных лиц, ответственных за притеснения уйгуров и других национальных меньшинств», канцлер О. Шольц придерживается прагматичного подхода, предпочитая не допускать дипломатической эскалации²⁷.

Китай же парирует обвинения в нарушении прав и свобод уйгуров в «центрах профессионального образования и обучения» в Синьцзяне, отмечая, что они «по своему

April 6, 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/italy-debate-on-charges-of-china-genocide-puts-pressure-on-draghi-coalition/> (accessed: 14.05.2024).

²⁵ Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Deutschen Bundestag // Der Bundeskanzler. 27.11.2021. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-im-deutschen-bundestag-1699682> (accessed: 14.05.2024).

²⁶ Rahn W. Germany Stays Quiet on China Rights Abuses // Deutsche Welle. May 12, 2019. URL: <https://www.dw.com/en/why-is-germany-silent-on-chinas-human-rights-abuses/a-51545962> (accessed: 14.05.2024).

²⁷ Roth K. The China Challenge for Olaf Scholz // Human Rights Watch. May 20, 2022. URL: <https://www.hrw.org/news/2022/05/20/china-challenge-olaf-scholz> (accessed: 14.05.2024).

характеру не отличаются от общественных исправительных учреждений в США и Великобритании и центров дерадикализации во Франции. Все они являются полезными мерами для превентивного противодействия терроризму и соответствуют принципам и духу Глобальной контртеррористической стратегии ООН и других резолюций о борьбе с терроризмом»²⁸.

В ответ на обвинения в нарушении религиозных свобод и уничтожении мечетей в СУАР на официальных сайтах посольств КНР в некоторых европейских странах была размещена информация о том, что «число мечетей в Синьцзяне выросло с 2000 в начале реформ и открытия в конце 1970-х гг. до 24 400 сегодня, что более чем в 10 раз больше, чем в Соединенных Штатах. А уйгурское население СУАР (в качестве ответа на обвинения в геноциде и принудительной стерилизации уйгурских женщин. — Прим. авт.) с 1978 по 2018 г. увеличилось с 5,55 млн до 11,68 млн человек, что составляет 46,8 % от общей численности населения автономного района»²⁹. Кроме того, там же не раз упоминаются прецеденты ущемления прав расовых и этнических меньшинств в США, в частности, в качестве яркого примера нарушения прав и свобод афроамериканцев как этнического меньшинства приведена резонансная ситуация вокруг убийства Дж. Флойда 25 мая 2020 г.

Политическая ангажированность также присутствует во многих научных исследованиях (Roberts, 2018; Finley, 2019; Çaksu, 2020). Например, даже когда стоит задача сравнить западный и китайский дискурсы, тексты статей нередко начинаются с констатации «преступлений против человечности» в Китае, то есть еще до постановки проблемы и представления результатов ее исследования (Çiçek, 2022). К настоящему времени

о ситуации в СУАР написано значительное количество научной литературы, и можно определить основное отличие подходов западных исследователей от их китайских и других коллег. На Западе исходят из того, что в регионе существует межэтнический, религиозный и даже межкультурный конфликт, а на Востоке — что проблема безопасности не должна рассматриваться под углом этнического, религиозного, политического факторов. Однако Х. Ариодигуно утверждает, что китайское правительство запрещает не религию, а радикальные действия во имя религии, совершаемые ее приверженцами. Он также определяет дух китайского национализма как «концепцию, в которой этническое равенство, национальное единство, общее процветание и развитие в совокупности и составляют понятие китайского национализма» и что западные СМИ обвиняют Китай в нарушении прав человека, исходя из предпосылок западно-центризма (Aryodiguno, 2021).

В.С. Новичков отмечает, что в СУАР большую часть разнородного населения составляют неханьские народы, всего около 47 этнических групп (около 62,05 % от общей численности населения). Кроме того, регион отличается своей многоконфессиональностью, при этом наиболее распространен ислам, исповедуемый большинством населения (уйгурами, хуэйцами, казахами, кыргызами, таджиками и т. д.). Ученый делает вывод, что центральное правительство уделяет особое внимание социально-экономическому развитию региона, выравниванию уровня жизни местного неханьского населения до уровня восточных провинций, противодействию различным вызовам и угрозам безопасности, обусловленным этническим национализмом, сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом (Новичков, 2017). Это не означает, что такая политика не сопряжена с проблемами. Однако власти демонстрируют способность критически осмысливать ее результаты и вносить соответствующие, как правило эффективные, изменения в меры по борьбе с экстремизмом и терроризмом в СУАР (Моисеев, 2021).

²⁸ What's False and What's True on China-Related Human Rights Matters // The Embassy of the People's Republic of China in Italy. July 8, 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201025030525/http://it.china-embassy.org/ita/xwtd/t1804894.htm> (accessed: 14.05.2024).

²⁹ Ibid.

COVID-19

Еще одной темой для резкой критики Китая стали обвинения в нарушении прав человека в связи с реакцией властей КНР на распространение COVID-19. В частности, речь шла о том, что меры по изоляции в Ухане нарушили свободы его жителей, а также что китайские власти пренебрегали правами на свободу слова и конфиденциальность личных данных своих граждан. Примечательно, что в Европейской Конвенции по правам человека говорится о законности «заключения под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний» (ст. 5 п. «е»)³⁰.

Китай также обвиняется в нарушении прав человека во время пандемии COVID-19, в частности в том, что власти КНР пытались скрыть появление нового вируса, и это привело к инфицированию большого количества людей по всему миру, а также пренебрегли правом на свободу жителей г. Уханя, ограничили свободу слова (в том числе в Интернете) для журналистов и медицинских работников и т. п.

Если Б. Джонсон не пытался переложить ответственность за распространение вируса на Китай, то высказывания министра иностранных дел Великобритании Д. Рааба, напротив, носили резко антикитайский характер³¹.

Хотя главы Франции и Германии — Э. Макрон и А. Меркель — неоднократно призывали Китай к большей прозрачности данных об инфицированных и погибших, оба лидера не спешили присоединиться к провокационной американской истерии вокруг ответственности КНР за распространение вируса³².

³⁰ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=005> (accessed: 14.05.2024).

³¹ China Will Have to Answer Hard Questions on Coronavirus Outbreak: UK Foreign Minister // Reuters. April 16, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-britain-china/china-will-have-to-answer-hard-questions-on-coronavirus-outbreak-uk-foreign-minister-idUSKBN21Y2SV/> (accessed: 14.05.2024).

³² См.: Nussbaum A. Macron Calls on China to Be More Transparent on Covid Shots // Bloomberg.

Председатель итальянской «Лиги» М. Сальвини неоднократно выступал с крайне негативными, близкими к американским, оценками поведения Пекина в связи с COVID-19³³, используя эту острую повестку и во внутривластных целях, противопоставляя свою «принципиальную» позицию мягкой риторике действующей власти, в частности премьер-министра Д. Конте и министра иностранных дел Л. Ди Майо.

Тема возникновения вируса COVID-19, которой спекулировали США, в дискурсивном измерении себя еще не исчерпала, учитывая тот факт, что китайская социалистическая политическая система показала свою эффективность в кризисной ситуации. Представители Китая отмечали следующее: «Признавая право на жизнь в качестве основного права человека, китайское правительство ставит на первое место жизни людей... Напротив, правительство США игнорировало науку, преуменьшало угрозу вируса и даже прибегало к перекладыванию вины. Это привело к массовым вспышкам заболеваний внутри страны, которые унесли жизни и здоровье многих американцев, погрузили экономику в рецессию и привели к социальным потрясениям»³⁴.

Несмотря на то, что данные социологических опросов, проведенных в 2021 г. в странах Европы, показывали преимущественно негативное отношение к реализации

February 4, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-04/macron-calls-on-china-to-be-more-transparent-on-covid-shots> (accessed: 14.05.2024); Lau S., Wong C. Germany Pushes China for Answers to Coronavirus Origin // SCMP. April 21, 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3080918/germany-pushes-china-answers-coronavirus-origin-adding> (accessed: 14.05.2024).

³³ Salvini: “Italia pretende dalla Cina la verità sulla pandemia. Da Conte silenzio imperdonabile” // Il Primato Nazionale. 12.07.2020. URL: <https://www.ilprimatonazionale.it/primo-piano/salvini-italia-verita-cina-pandemia-conte-silenzio-imperdonabile-159657/> (accessed: 14.05.2024).

³⁴ What’s False and What’s True on China-Related Human Rights Matters // The Embassy of the People’s Republic of China in Italy. July 8, 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201025030525/http://it.china-embassy.org/ita/xwdt/t1804894.htm> (accessed: 14.05.2024).

прав и свобод человека в Китае (84 % респондентов в Великобритании, 85 % — в Германии, 83 % — во Франции, 89 % — в Италии), в этих же странах превалировала положительная оценка эффективности политики Китая в борьбе с COVID-19 (в Великобритании — 48 % опрошенных позитивно оценивали усилия Китая в этом направлении, в Германии — 49 %, во Франции — 54 %, в Италии — 65 %), и во всех изученных европейских странах процент положительно оценивающих политику «нулевой терпимости» увеличился на 10–14 % по сравнению с 2020 г.³⁵

На наш взгляд, именно политика во время пандемии является наиболее показательной, поскольку остальные темы, затрагиваемые в статье, политизированы, а в ситуации с COVID-19 есть возможность использования статистических данных. После окончания пандемии появились исследования, в том числе сравнительные, о том, как разные страны с ней справились, ряд работ также содержат оценки влияния правозащитного фактора. Китайские специалисты ожидаемо отдали предпочтение национальной модели, однако в пользу их точки зрения были представлены соответствующие аргументы. В частности, Китай оказался единственной страной с крупной экономикой, в которой за время пандемии ВВП не упал, а вырос, пусть и не так существенно, как раньше (Петушкова, 2021).

Дин Дифэн и Чжан Жуйлянь отмечают, что важным выводом из политики предотвращения и контроля за распространением пандемии в Китае является уважение к науке. Китайское общество также продемонстрировало свое единство и сотрудничество на всех уровнях (Ding & Zhang, 2022). Они также подчеркивают, что стратегия Китая позволила замедлить распространение глобальной пандемии и что благодаря распространению китайских вакцин удалось обеспечить равноправный доступ к ним в мире.

³⁵ Silver L., Devlin K., Huang C. Large Majorities Say China Does Not Respect the Personal Freedoms of Its People // Pew Research Center. June 30, 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2021/06/30/large-majorities-say-china-does-not-respect-the-personal-freedoms-of-its-people/> (accessed: 14.05.2024).

Т.Н. Серегина, А.А. Евлах и С.Н. Кузьмин, изучив противоположные подходы к борьбе с пандемией — в Китае (модель строгой изоляции) и Швеции (модель «коллективного иммунитета»), пришли к однозначному выводу об эффективности первого и провале второго. Интересно также, что авторы рассматривают различия в социокультурных основаниях обоих подходов — особенностей менталитета для китайской модели и социально-политических — для шведской модели (Серегина, Евлах, Кузьмин, 2021).

Чжао Жун и Сюй Фэнцай показали преимущества китайской модели борьбы с коронавирусом, упоминаемые в российских СМИ. Китайские власти реагировали быстро и высокоорганизованно, всегда ставя жизнь людей превыше всего и, как следствие, завоевывая доверие народа. Таким образом, по мнению ученых, Китай продемонстрировал свой гуманистический подход (Чжао, Сюй, 2021). Однако, как отметил Дж.С. Рошкер, вместо того чтобы использовать этот положительный опыт, западные политики сделали акцент на авторитарных, по их мнению, методах китайского руководства в борьбе с пандемией, которые якобы связаны с авторитарными политическими традициями Китая и стран Юго-Восточной Азии. Исследователь утверждает, что решать такую глобальную проблему можно только на международном уровне — путем межкультурного диалога с целью построения новой, глобальной этики (Rošker, 2021). Однако объективным препятствием для такого развития событий является политическая реальность, в том числе зафиксированная в официальных документах.

Сравнительный анализ некоторых положений о правах человека, закрепленных в Конституции КНР, Хартии ЕС по правам человека и Европейской конвенции о защите прав человека и свобод

Выбранные для анализа документы охватывают три категории прав человека — гражданские, социально-экономические и политические.

Конституция КНР состоит из преамбулы, четырех глав и 143 статей. Во вторую главу «Основные права и обязанности граждан» входят 23 статьи (33–56)³⁶.

Хартия Европейского союза по правам человека состоит из преамбулы и 7 глав, содержащих в общей сложности 54 статьи (включая общие положения): «Достоинство» (ст. 1–5), «Свободы» (ст. 6–19), «Равенство» (ст. 20–26), «Солидарность» (ст. 27–38), «Права граждан» (ст. 39–46), «Справедливость» (ст. 47–50), «Общие положения» (ст. 51–54)³⁷.

Европейская конвенция по правам человека состоит из 59 статей, в раздел «Права и свободы» входят 17 из них (ст. 2–18)³⁸.

Все три категории прав в европейских документах описаны более подробно, чем в китайском. И в Хартии, и в конвенции говорится о праве на мирные собрания, в то время как в Конституции КНР даны лишь четкие определения отдельных прав без дополнительных характеристик.

Значительное внимание в Конституции КНР, в отличие от исследуемых европейских документов, уделяется долгу и обязанностям перед государством, а именно обязанности «платить налоги в соответствии с законом», «защищать безопасность, честь и интересы Родины», «защищать единство страны и единство всех ее национальностей»³⁹. Согласно документу, граждане также обязаны получать образование, работать, родители обязаны воспитывать детей, а взрослые дети —

поддерживать своих родителей. В европейских документах в упомянутом контексте речь идет о возможностях и свободах, но не об обязанностях. Так, например, в Хартии ЕС свобода выбора образования предусматривает возможность получить его бесплатно⁴⁰.

Еще одной отличительной чертой китайского документа от европейских является четко выстроенная иерархия в духе «сердцевинных социалистических ценностных воззрений» от общего к частному, от государства к обществу и человеку. Очевидно противопоставление западному образцу, где, согласно либеральной идее, на первом месте стоит человек и его права. Так, в ст. 51 Конституции КНР говорится: «Осуществляя свои свободы и права, граждане Китайской Народной Республики не должны наносить ущерб интересам государства, общества и коллектива, законным свободам и правам иных граждан»⁴¹.

Иными словами, права и свободы граждан КНР заканчиваются там, где они идут вразрез с интересами, во-первых, государства, во-вторых, общества, в-третьих, коллектива, и, наконец, индивида, то есть другого гражданина КНР. Это означает, что утверждение о том, что «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека», лежащее в плоскости европейского понимания, в Китае звучит как «Моя свобода заканчивается там, где начинаются интересы государства и коллектива». С аналогичных позиций эти различия исследуют и другие ученые (Tsvyk & Tsvyk, 2019).

Отношение граждан Великобритании, Германии, Франции и Италии к реализации демократических прав и свобод в их странах

Несмотря на разностороннюю критику демократии западного образца и многочисленные проблемы в странах Евросоюза

³⁶ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.05.2024).

³⁷ Charter of Fundamental Rights of European Union // EUR-Lex. October 26, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (accessed: 14.05.2024).

³⁸ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=005> (accessed: 14.05.2024).

³⁹ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.05.2024).

⁴⁰ Charter of Fundamental Rights of European Union // EUR-Lex. October 26, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (accessed: 14.05.2024).

⁴¹ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.05.2024).

(падение доходов населения, растущий разрыв между богатыми и бедными, миграционный кризис и проч.), Европа по-прежнему видит себя в качестве защитника и проводника либеральных ценностей и демократических режимов в мире. Однако социологический опрос, проведенный в 2020 г., показал, что 69 % респондентов в Великобритании, 68 % — в Италии и 58 % — во Франции не удовлетворены тем, как реализуется демократия у них в стране. Более положительно к реализации демократических прав и свобод относятся граждане Германии — 65 % респондентов на вопрос «Довольны ли Вы тем, как „работает“ демократия у Вас в стране?» ответили положительно⁴². При этом, однако, 45 % респондентов в Германии считают, что выборным политикам безразлично, как к их действиям относятся граждане. Такой же точки зрения придерживаются 79 % респондентов в Великобритании, 78 % — в Италии и 65 % — во Франции⁴³.

Согласно опросам общественного мнения, жители развитых европейских стран хотели бы видеть свои государства демократическими, но они не удовлетворены тем, как демократия реализуется их правительствами на практике, и выражают желание реформировать существующие политические системы в своих странах. Так, 14 % британцев убеждены, что политическая система Великобритании нуждается в полной трансформации, 38 % хотели бы видеть ее существенную реформу, 32 % признают необходимость частичных изменений и лишь 13 % удовлетворены ее нынешним состоянием. В Германии те же показатели находятся на уровне 15, 37, 32 и 13 % соответственно, то есть всего за кардинальное и значимое реформирование выступают 52 % опрошенных. Во Франции 23 % уверены в необходимости тотальных перемен, 50 % — значительных, 18 % согласны на частичные реформы и только 7 % удовлетворены нынешним положением дел.

⁴² Wike R., Schumacher Sh. Satisfaction with Democracy // Pew Research Center. February 27, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/satisfaction-with-democracy/> (accessed on: 14.05.2024).

⁴³ Ibid.

В Италии 42 и 47 % респондентов высказались за фундаментальные и существенные реформы соответственно, 8 % указали на необходимость незначительных изменений и только 1 % выразил удовлетворение функционированием политической системы⁴⁴.

Примечательно также, что недовольство тем, как реализуются демократические права человека, демонстрируют в большей степени респонденты в тех странах, где люди, согласно социологическим опросам, не удовлетворены и экономической ситуацией. Так, 78 % итальянцев, 72 % французов, 74 % британцев и 63 % немцев оценивают текущую экономическую ситуацию как плохую⁴⁵.

Обсуждение результатов

Не только западные исследователи⁴⁶, но и российские эксперты отмечают, что институт прав человека в КНР активно развивается в рамках реформирования правовой системы на базе верховенства закона. И.Е. Денисов подчеркивает, что для этой реформы используются многие западные либеральные принципы, например укрепление независимой судебной власти, большая прозрачность управления, внедрение механизмов обратной связи между обществом и властью (Денисов, 2015). Хотя, конечно, есть и существенные различия. И.Е. Денисов полагает, что реформы происходят в контексте критики общечеловеческих западных ценностей и имеют главную цель — отказ от многопартийности и конкуренции политических партий (Денисов, 2015). Однако А.В. Цвык, как и многие

⁴⁴ Wike R., Fetterlorf J. Global Public Opinion in an Era of Democratic Anxiety // Pew Charitable Trusts. May 27, 2022. URL: <https://www.pewtrusts.org/en/trust/archive/spring-2022/global-public-opinion-in-an-era-of-democratic-anxiety> (accessed: 14.05.2024).

⁴⁵ Wike R., Schumacher Sh. Satisfaction with Democracy // Pew Research Center. February 27, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/satisfaction-with-democracy/> (accessed on: 14.05.2024).

⁴⁶ Rühlig T. How China Approaches International Law: Implications for Europe // European Institute for Asian Studies. May 2018. URL: https://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/03/EU_Asia_at_a_Glance_Ruhlig_2018_China_International_Law.pdf (accessed: 14.05.2024).

другие эксперты, обращает внимание прежде всего на другие права, которые в современном Китае считаются первостепенными, прежде всего, это право китайского народа на существование и развитие (Цвык, 2017). А.В. Ломанов отмечает, что концепция «единой судьбы человечества» выступает целевым обоснованием продвижения усредненной трактовки прав человека во внешнем мире, в то время как Китай стремится стать точкой притяжения, прежде всего, для развивающихся стран (Ломанов, 2022).

Европейцы считают права человека константой, а китайцы воспринимают их как переменную. Первой и очевидной уязвимостью европейской позиции является само существование проблемы и практики защиты прав человека. Нужно ли защищать константы? Нужно ли издавать законы, закрепляющие величину ускорения свободного падения на Земле равной $9,81 \text{ м/с}^2$? Несмотря на постоянные заявления, декларации, законы о «неотчуждаемости» тех или иных «основных» прав, они, конечно, не таковы.

Во-первых, просто потому, что они являются историческим явлением, однажды были сформулированы и введены (последние примеры — право на пользование Интернетом или выбор пола), и их, конечно, можно отменить.

Во-вторых, те же самые европейцы «отнимают» некоторые права на практике. При некотором словесно-правовом обосновании — «в соответствии с законом», но тем не менее они ограничивают права преступников (изменяя составы преступлений) и недееспособных (изменяя определения дееспособности); отменяя смертную казнь, они допускают применение летального оружия (правоохранительными органами в своих странах и даже за рубежом) и т. д.

Под влиянием модных и все более экстремистских политических тенденций Запад постепенно отходит даже от таких «универсальных» прав, как право на свободу слова — прежде всего в рамках идеологии «вокизма», а также от принципа равенства, легитимизируя (!) позитивную дискриминацию в пользу все большего и большего числа меньшинств.

Немаловажно и то, что так яростно пропагандируемый Западом предполагаемый универсализм прав человека, в первую очередь права на жизнь, почему-то допускает существование принципиальных разногласий между США и ЕС по поводу смертной казни. Все это может служить весомым аргументом в пользу вывода Н.В. Вечкановой о том, что в современном Китае сформировалась социалистическая позитивистская концепция прав человека с «китайской спецификой», рассматривающая права человека как результат государственного правотворчества (Вечканова, 2010).

В отличие от *исторического* характера таких прав, как право выбора пола, право на «уровень жизни, включая питание, одежду, жилище, медицинское обслуживание и необходимые социальные услуги, достаточные для поддержания здоровья и благополучия», торжественно провозглашенное во Всеобщей декларации прав человека ООН, является объективным и не зависит от воли ООН и государств, входящих в эту организацию⁴⁷. Без еды и воды любой человек умрет в течение нескольких дней, независимо от каких-либо законов, деклараций и деятельности правозащитных организаций. Занимаясь вопросами прав человека за рубежом, ЕС постепенно теряет аргументацию, все менее уверенно решая собственные внутренние проблемы.

КНР не только поставила задачу искоренения бедности, но и заявила о ее решении. И при всех различиях в уровне жизни и методах расчета, сложности статистики и т. д. Всемирный банк ставит Китай на первое место в мире по объему ВВП, рассчитанному не номинально, а по паритету покупательной способности (ППС)⁴⁸. Кроме того, опросы общественного мнения в Великобритании, Германии, Франции и Италии демонстрируют недовольство их собственных граждан тем, как соблюдаются их демократические права

⁴⁷ Всеобщая декларация прав человека // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.05.2024).

⁴⁸ GDP Per Capita, PPP (current international \$) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (accessed: 14.05.2024).

на фоне ухудшающейся экономической ситуации. На уровне ЕС, в отличие от заявлений брюссельских чиновников, все больше общеевропейских общественных организаций выражают обеспокоенность текущей ситуацией и перспективами ее развития. В частности, по обсуждаемым вопросам, касающимся перехода к новой, зеленой и цифровой экономике, европейские профсоюзы заявляют о необходимости ее «социально справедливой» реализации, а также «обновленного социального контракта, предусматривающего достойную заработную плату работникам, «права на... адекватную социальную защиту, укрепление общественного диалога и коллективных консультаций»⁴⁹. И даже европейские руководители заявляют о своей обеспокоенности не только обострением проблем всего, то есть малого, среднего и крупного бизнеса, но и тем, что, в частности, при формировании социальной реакции ЕС и его государств-членов на кризис COVID-19 «с ними не консультировались должным образом при разработке национальных планов его преодоления»⁵⁰.

Заключение

Проблема прав человека представляет собой одну из главных тем в дискурсивном противостоянии КНР и Запада, использующего ее в качестве инструмента давления на руководство Китая и легитимации своей внешней политики. Анализ дискурса по трем основным темам (Гонконг, СУАР и COVID-19) показал, что Пекин перешел от оборонительной позиции к наступательной риторике — стал не только объяснять свои действия и отстаивать собственный путь развития, но и указывать на его преимущества по сравнению с принципами западной демократии. Особенно наглядно это заметно на примере дискурса вокруг методов борьбы с распространением COVID-19, когда по объективным

показателям политическая модель Китая продемонстрировала большую эффективность по сравнению с западной. Поэтому европейская критика действий КНР по этой проблеме предстает больше как оправдание собственной низкой эффективности.

Основное различие в подходах к проблематике прав человека в ЕС и КНР — концептуальное. Европейцы считают права человека *константой*, а китайцы — *переменной*. Дискурсивные разногласия по вопросу прав человека основаны на различиях в их понимании. В частности, КНР уделяет повышенное внимание государству не только как гаранту соблюдения прав граждан, но и как институту, перед которым граждане имеют ряд обязанностей. В европейских документах речь идет в основном о правах и свободах человека. Еще одним важным отличием является наличие ценностной иерархии: если европейское понимание прав и свобод человека векоцентрично, то китайское — построено в соответствии с ценностной иерархией по принципу «государство — общество — человек».

Китай видит в экономическом развитии государства гарант реализации права своих граждан на безопасную жизнь, без которого абстрактно само понятие «прав и свобод человека». Идеологический аспект, конечно, здесь также присутствует. Однако дело вовсе не в отрицании, в данном случае коммунистами, капитализма *per se*. Он был прогрессивен, добываясь и добившись вопреки произволу монархов многих прав и свобод и для обычных людей, пусть на практике наиболее эффективно реализуемых только для собственников. При этом, в то время как современные общества — зарплатные, большинство людей зависят не только от конкретного работодателя, но и от «совокупного» капиталиста, в том числе государственного. Действительно, у современного капиталистического государства есть много социальных достижений. Тем не менее существование на социальное пособие сильно отличается от жизни человека, получающего зарплату, соответствующую его квалифицированному труду. А любой наемный работник все также находится под давлением и марксовой

⁴⁹ Principaux messages issus du sommet social tripartite // Le Conseil de l'Union européenne. 20.10.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/fr/press/press-releases/2021/10/20/main-messages-from-the-tripartite-social-summit-20-october-2021/> (accessed: 14.05.2024).

⁵⁰ Ibid.

«резервной армии труда», и работодателя, нацеленного на собственную прибыль. Однако даже с формально-юридической точки зрения Китай полностью выполняет взятые на себя международные обязательства в рассматриваемом контексте. Все это позволяет предположить усиление акцента на преимуществах своей модели развития в дискурсивной политике Пекина.

В свете вышеизложенного позиция Запада выглядит гораздо более идеологизированной и политизированной. Историчность любых социальных институтов предполагает их возникновение и развитие в разных странах

в разное время и по-разному. Одного этого было бы достаточно, чтобы стимулировать дальнейшие шаги на пути защиты прав человека, как это делает Запад в отношении мусульманских стран, в частности, вместо того чтобы все активнее критиковать Пекин. Примечательно также, что именно политический оппортунизм, а вовсе не принципиальность проявляется в том, что все три рассмотренные выше темы в настоящее время находятся на периферии внимания ЕС, переключившегося на «тайваньский вопрос», а ситуация в Тибете, долгое время популярная в западном дискурсе, фактически вообще не упоминается.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 28.05.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Вечканова Н. В.* Конституционное регулирование личных прав и свобод человека в азиатских государствах Тихоокеанского региона // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 12. С. 7–12. EDN: NDCXGR
- Денисов И. Е.* Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 35–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.06>; EDN: UOHUUN
- Ломанов А. В.* Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 4. С. 882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>; EDN: ZLVYQV
- Моисеев С. В.* Реализация политики «жесткого удара» по экстремизму и терроризму в Синьцзян-уйгурском автономном районе Китая // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 104–109. EDN: QAYLXI
- Новичков В. С.* Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 116–122. <https://doi.org/10.17223/15617793/424/16>; EDN: ZWZNOP
- Петушкова В. В.* Последствия пандемии COVID-19 для экономики Китая: итоги 2020 года // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 3. С. 104–122. <https://doi.org/10.31249/espr/2021.03.06>; EDN: ESVWQN
- Серегина Т. Н., Евлах А. А., Кузьмин С. Н.* Компаративистский анализ моделей борьбы с COVID-19 (на примере Швеции и Китая) // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 5. С. 933–939. <https://doi.org/10.30853/mns210191>; EDN: AYXOOZ
- Цвык А. В.* Права человека: взгляд из Китая // Азия и Африка сегодня. 2017. № 10. С. 51–55. EDN: ZMVSUD
- Чжао Ж., Сюй Ф.* Преимущества китайской модели: опыт Китая в борьбе с коронавирусом в русской прессе // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1. С. 17–32. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-17-32>; EDN: CPLLEW
- Aryodiguno H.* Understanding Xinjiang from a Chinese Nationalist's Perspective // AEGIS: Journal of International Relations. 2021. Vol. 5, no. 1. P. 67–78. URL: https://www.researchgate.net/publication/361114519_Understanding_Xinjiang_from_a_Chinese_Nationalist's_Perspective (accessed: 12.04.2023).
- Çaksu A.* Islamophobia, Chinese Style: Total Internment of Uyghur Muslims by the People's Republic of China // Islamophobia Studies Journal. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 175–198. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.13169/islastudj.5.2.0175> (accessed: 12.04.2024).
- Çiçek A.* “Political Re-Education Camps” in Xinjiang as a Part of Panopticon-Like Society: Clashing Discourses of Western and Chinese Media // Wschodnioznawstwo. 2022. Vol. 16. P. 269–298. <https://doi.org/10.4467/20827695WSC.22.017.16766>
- Coxon B.* Beyond the Basic Law: Interpretive Principles Protective of Fundamental Rights in Hong Kong // Common Law World Review. 2022. Vol. 51, no. 4. P. 248–267. <https://doi.org/10.1177/14737795221116395>

- Ding Difeng, Zhang Ruilian.* China's COVID-19 Control Strategy and Its Impact on the Global Pandemic // *Frontiers in Public Health.* 2022. Vol. 10. P. 1–10. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.857003>
- Finley J. S.* Securitization, Insecurity and Conflict in Contemporary Xinjiang: Has PRC Counter-Terrorism Evolved Into State Terror? // *Central Asian Survey.* 2019. Vol. 38, no. 1. P. 1–26. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1586348>
- Handbook on Human Rights in China* / ed. by S. Biddulph, J. Rosenzweig. Northampton, MA : Edward Elgar Publishing Ltd, 2019. <https://doi.org/10.4337/9781786433688>
- Lemos M., Costa M. J.* The Extradition Bill of Hong Kong Revisited, the National Security Law and the Irony of Human Rights Protection in “One Country, Two Systems” // *Revista Brasileira de Direito Processual Penal.* 2022. Vol. 8, no. 3. P. 1503–1536. <https://doi.org/10.22197/rbdpp.v8i3.701>
- Li Yulong, Wu Yuxi, Xiao Mingfeng.* A Corpus-Based Discourse Analysis of Liberal Studies Textbooks in Hong Kong: Legitimizing Populism // *Politics and Governance.* 2023. Vol. 11, no. 2. P. 261–271. <https://doi.org/10.17645/pag.v11i2.6550>
- Roberts S. R.* The Biopolitics of China's “War on Terror” and the Exclusion of the Uyghurs // *Critical Asian Studies.* 2018. Vol. 50, no. 2. P. 232–258. <https://doi.org/10.1080/14672715.2018.1454111>
- Rošker J S.* Intercultural Dialogues in Times of Global Pandemics: The Confucian Ethics of Relations and Social Organization in Sinic Societies // *Ethics & Bioethics (in Central Europe).* 2021. Vol. 11, no. 3–4. P. 206–216. <https://doi.org/10.2478/ebce-2021-0011>
- Tsvyk A. V., Tsvyk G. I.* China's Human Rights Concept and Its International Promotion // *RUDN Journal of Sociology.* 2019. Vol. 19, no. 1. P. 20–30. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-20-30>; EDN: УХЕНQL

Сведения об авторах:

Литвак Николай Витальевич — доктор социологических наук, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 4168-7976; ORCID: 0000-0003-1621-0005; e-mail: jourfr@mail.ru

Помозова Наталья Борисовна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 5774-6654; ORCID: 0000-0002-9981-0593; e-mail: npomozova@mail.ru